

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ

ПО ЛИТЕРАТУРЕ 2023 – 2024 уч. г.

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

Время выполнения – 4 астрономических часа 30 минут (270 минут)

11 КЛАСС

Максимальное количество баллов – 100.

ЗАДАНИЕ I. АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (60 баллов).

Выберите для аналитической работы прозаический ИЛИ стихотворный текст. Произведите его анализ в соответствии с предложенными направлениями и изложите содержание в прозаической письменной форме. Работа должна представлять собой цельный, связный, грамотный, завершённый текст. Рекомендуемый объём – 350–450 слов.

Вариант 1. Прозаический текст.

Прочитайте рассказ Сигизмунда Кржижановского (1887–1950) и выполните его целостный анализ с опорой на те аспекты, которые проявлены наиболее отчетливо и являются смыслообразующими для данного текста. При анализе примите во внимание следующие художественные особенности произведения:

- пространство земное и небесное, поэтика их отражения; единство мироустройства, макрокосм Вселенной и микрокосм земного мира, условность пространственных и временных реалий;
- образ главного героя: динамика образа, его изменение от части к части; «человек» и «Иван Иванович» как разные ипостаси личности;
- композиция рассказа, поэтика заглавий в частях рассказа и их связь с динамикой образа героя;
- предметный мир, наполняющий жизнь персонажей, как отражение этапов их эволюции.
- специфика развязки, диалектика смерти души и продолжения физического существования.

Примечания:

Пегас – крылатый конь, который, согласно греческой мифологии, появился на свет от союза Посейдона и Медузы Горгоны. Пегас – фаворит муз, часто поводит время с ними на горе Парнас.

Пегас как астрономическое тело – созвездие северного полушария звёздного неба. Название наиболее яркой звезды созвездия Маркаб переводится с арабского как «Седло».

Рацея – длинное назидательное рассуждение

Сигизмунд Кржижановский

Квадрат Пегаса

I. Звезды

Звезде α в созвездии Квадрата Пегаса было совершенно безразлично: отразиться в рефлекторе Гринвической обсерватории, окунуть луч в лужу или наконец ткнуть тем же лучом в зрачки влюбленной пары, услужливо подставленные под косой удар изумрудного альфова света.

И хотя звезде было, повторяю, все равно, у самых зрачков прозвучало:

– Посмотрите, Надя, на эту звездочку, ведь на нас она глядит! Не правда ли?

После слов глаза перестроились: из **** в **. Два квадрата – гигантский яркий и крохотный мутный – мерцали всяк по-своему, созерцая друг друга, и был миг, когда звезды стали, как глаза, а глаза, как звезды.

Все это произошло в городке Здесевске, в чахлам палисаднике, что на углу Дворянской и Дегтярного переулка, с 1 на 2 Мая n-1 года, в 11 1/2 ночи.

– И знаете, Надя, – продолжал голос, – вы думаете, мы в городке, среди освещенных лампами домиков? Нет, мы среди звезд. Вот там кто-то идет по мосткам. Остановить его, спросить: где ты? Скажет: в Здесевске. И не знает, подлец, что не в Здесевске он, а во вселенной. Ведь вот, подумать только: все звезды, сколько ни есть, смотрят на нас, а мы когда-когда глянем на них? И то так – на полсекунды, случайно. Ведь это даже невежливо – не отвечать на взгляд... Вы смеетесь, Наденька? Вселенная... Но у вас холодные руки. Дайте, погрею.

На секунду в малом Квадратике Пегаса произошла космическая катастрофа: две пары звезд сделали попытку слиться в двойную звезду: в Здесевске это называется «поцелуй».

И опять: «Вселенная – Вселенной – Вселенную», – засклонял восторженный голос.

Наденька молчала, но думала: «Пока – пусть, но в моем доме никаких там вселенных – не потерплю».

II. Гнезда

Городок Здесевск, как и все провинциальные городки, представлял собой моток спутанных улиц, продернутых то там, то тут, как нитки в иглы, то в каланчу, то в колокольню; две-три тысячи обведенных белеными стенами, прикрытых сверху красной и зеленой жестью счастливых, каждое величиною в три-четыре комнаты. Счастья перенумерованы, так что жителям Здесевска никак и никуда не уйти от своих счастливых, не перепутать их, не залезть не в свое счастье.

К началу сентября n-го года человек и Наденька были помолвлены. Они любили вечерние прогулки по опустевшим улицам умаявшегося за день городка: ставни всюду были наглухо закрыты. Прохожие редки. Моросило. Дворовый пес, сев на мокрых мостках тротуара и подняв голову, лаял в небо.

– Смотри, Наденька, пес лает на созвездие Пса, ха-ха! А вот и наш старый знакомец – Квадрат Пегаса. Помнишь, Надя, тот майский вечер?..

– Пора домой. Сыро.

– Сейчас. А я вот иногда думаю: в небе звезды и в книгах черные звездочки. По книжным звездочкам отыскивают примечание, внизу, под текстом. А по синим? Может быть, каждый из нас будет отыскан по его звезде...

– Домой пора. Поздно.

– Идем, идем, мое маленькое примечанье.

Повернули назад. Шли меж задвинутых болтами ставен.

– А вдруг, Наденька, там в домах все умерли? Давно умерли. И мы с тобой, еще живые, среди трупов? А?

Прижались плечом к плечу: так правда притворялась фантазмом.

Сидя на мокрых скрипучих мостках, задрал в выси голову, дворовый пес печально лаял о чем-то дальнему звездному Псу.

Неделю спустя в дом No 6-А по Дегтярному переулку, под личным наблюдением Наденькиной матери, был внесен, тщательно собран – свинчен и поставлен на четыре лакированных ноги – огромный и сложный инструмент: двуспальная кровать. Лица у людей свинчивающихся – ставящих – наблюдавших были серьезны; даже значительны. Еще неделю спустя человек и Надежда трижды обошли вокруг аналоя, точно трижды пробуя сомкнуть какую-то упорно не смыкающуюся орбиту. Затем у них были отняты овитые серебром горящие свечи: свечи потушили и спрятали в ящик.

III. Седла

Запоздравляли. Делалось это так: приходили люди, хватали рукою руку и, улыбаясь, просили показать «гнездышко». Походив по всем комнатам, перещупав все глазами, расходились по своим собственным примятым и полурастасканным гнездам. После чего хотелось вытереть все вещи чистой тряпочкой. Так на здесевском гнездовьи – одним гнездом прибыло.

По пословице, «первый месяц – медовый, второй – полынный».

Началось это в первых числах полынного месяца. Уже упоминалось, что Наденька не любила частых рацей о вселенной. Теперь вселенную сменили, – сначала кузина Марья Ильинична, потом горничная Глаша и, наконец, краснорожая кухарка Лукерья. Оползни дней; размолвка – примирение – ссора – полупримирение. Обозначился даже ритм в смене холодов и тепл. При примирениях обыкновенно теплые мягкие руки смыкались вокруг шеи человека – нежно, но властно. Жизнь будто затиснуло в глухие ставни, в тесную обступь вещей.

«Нельзя так», – решил он. Но ночью опять гибкие руки, точно тесьмы, легли на плечи и грудь, стянулись – мягко, но властно, – и «нельзя» замолчало.

Утром, толкая дверь присутствия, человек был остановлен криком: «Ну, ты!» Оглянувшись, он увидел лошадь, впряженную в телегу. Синий пар стоял вокруг ее неровно ходивших боков. Возчик, привалившись всем телом к драному, в клочья истертому боку клячи, затягивал ремень подпруги мягко, но властно – тесьма вдавливалась в тело.

Что-то будто резнуло человека по глазам.

«Вздор», – отмахнулся он и вошел в полураскрытую ожидавшую его дверь присутствия. Створы ее автоматически – мягко и беззвучно – захлопнулись.

IV. Отцвел

Жизнь роняла дни, как дождь по осени капли.

В Здесевске и впрямь настала липкая, осклизлая осень. Таков уж круг: сначала пахучая сирень, белоцвет вишня; потом падающие долу лепестки перераспустившихся роз; потом холодные хризантемы; а после и безлистье – обнаженные стебли да желтая путаница ветром скомканных трав. Палисадники у домов отцвели, стали скучными и глупыми квадратами: неизвестно, к чему. Облетело заодно и юное счастье. И человек стал никнуть, увядать от дня к дню: в душе бесцветье, безлучье; душа, как глупый квадрат палисадника: неизвестно, к чему.

Ключ в дверце книжного шкафа сначала щелкал часто, потом реже и реже, точно разучившись выщелкивать свое куцее коленце. Тетрадки с короткими неряшливыми строчками сначала лежали на столе; потом – в верхнем ящике стола; потом – в среднем; потом легли на дно нижнего, под старые конторские книги и бумажный хлам.

V. Приобрел

В доме по Дегтярному переулку No 6-А была одна угловая, не любимая Надеждой Васильевной комната. Действительно, уж в больно несуразный квадрат растянули ее неправильные, туда-сюда уползающие углы. Под столовую не годилась. Кроватей не поставить никак – значит, и не спальня. И пошла четырехугольная несуразица человеку «подобием кабинета». Он любил эту комнатуху: напоминала что-то давнее и милое. Однажды в зимнюю ночь, отшагав по скрипучим половицам верст семь, человек сел у окна, прижав подбородок к подоконнику. И тотчас же на доске подоконника, взяв голову в круг, уселись маленькие серые злыдни. Пошептали.

– Квартира-то тесновата, – пискнул один.

– Дети растут, – подшепнул другой злыдень.

Человек слушал не подымая головы. Тогда, осмелев, одна из нежитей, уцепившись шершавыми лапками за мочку и край левого уха человека, сунула серую головку внутрь ушной раковины: «Помни про черный день...»

И злыдни, смыкая круг, зашелестели тихими эхами: помни про черный день. Внутри стенных часов зубцы, цепляясь за зубцы, с натугой тянули на длинной медной цепи – секунды и еще секунды, – и, когда человек поднял голову, злыдней не было: зимний зябкий брезг – мокрым сине-серым лицом к стеклу.

В дверь постучали:

– Вставай, пора на службу.

Человек – из творца и твари. И «не я» и «я». Порывшись в нижних ящиках стола Ивана Ивановича (пришло время узнать, что человека звали всего-навсего так), наверно, можно было еще отыскать где-нибудь на тронутых желтизною разрозненных листках слабые проступи творца. Нужна ли творцу вещь? Но тварь руками и мыслью – к вещи. Вот почему, что-то подсчитав, пересчитав и отщелкав на желтых и черных костяшках, потолкавшихся внутри деревянного квадрата, Иван Иванович решил, наконец, приобрести.

За городской чертой зеленел травами и чертополохами пустырь: Мушья Сяжки. Здесь Иван Иванович приобрел участок и стал строиться.

В будние дни на Мушьях Сяжках стучали топоры и визжали пилы, а по воскресеньям Иван Иванович с женой и выводком совершали прогулку к растущему, кирпич за кирпичом, собственному дому. Шли медленно, шаг за шагом. Впереди, ковыляя на гнутых рахитом ножках, – дети; за ними – бонна; за бонной – супруги.

Добравшись до постройки, ходили по скрещивающимся балкам внутри большого деревянного короба.

– Здесь что, Ваня?

– Детская.

– А вон тут?

– Кабинет.

Кабинет был правильным удлинённым прямоугольником.

– Ну, вот и хорошо, – говорила Надежда Васильевна, – а то я твоей этой косостенки видеть не могу.

Скликали успевших вывалиться в известке детей. Завтракали. Снова ходили над мусором и щебнем по шатающимся балкам. С нежной улыбкою останавливался Иван Иванович над какой-нибудь прикрытой досками ямой или у торчащего нетесаными бревнами выступа и стучал по выступу палкой ему лишь слышимую мелодию. Вечерело. Сидя на стройке, можно было видеть, как вверху чернеющее небо раскрывало, одно за другим, изумрудные очи.

– Когда наконец настелят крышу? – спрашивала Надежда Васильевна.

Опять кликали детей и возвращались в сумерках в Здесевск.

VI. Надёван

Назавтра предстоял переезд. Иван Иванович в последний раз ходил по скрипучим половицам своего старого кабинета. Часть вещей была уже вынесена: расходящиеся врозь углы квадрата обнажились и хмуро следили за шагающим человеком. Алела заря. Надо было до темноты убрать в ящиках письменного стола. Выдвигая ящик за ящиком, Иван Иванович стал пересматривать набухшие за много лет бумажные кипы. Сначала пошли нумерованные «Дела», потом переписка, потом ворохи семейных и сослуживческих фотографий, потом... стопочка желтеющей бумаги, перевязанная шпагатом. Развязав шпагат, стал перелистывать: лежалые буквы, освободившись от конторских пластов, кип писем, давивших сверху, расправили свои ржавым отливом тронутые выгибы и закорючки и заговорили – тихо, но внятно – об отошедшем, но все еще ждущем встреч.

Иван Иванович поднял голову: у горизонта над изломом кровель загоралось изумрудным огнем четыре звезды.

«Квадрат Пегаса», – улыбнулся человек.

Но Иван Иванович дернул за тесемку шторы, – и штора опустилась. Человек замолчал. А за стеной сын-гимназист Саша подзубривал:

– Звезды – гнезда – седла... цвел – приобрел – надёван... Звезды – гнезда...

И вдруг Иван Иванович понял: все это вокруг – чужое, тысячи и тысячи раз надеванное кем-то, заношенное, затасканное миллионами глаз и изсмотренное ими вконец. И эти вот зеленые обложки «Дел», и те фотографии каких-то детей и жены – все это напыленное, прокатное, обложка чужого скучного дела. И сам он, Иван Иванович, не «я» ему, человеку, а «он», чужой, мириады раз надеванный и затрепанный. Снаружи кто-то потянул за дверную ручку:

– Барин, а барин, приехали возчики.

– Сейчас.

VII. Запечатлен

Крылатый перешагнул порог.

В беззвучии раскрылась и закрылась в лазурь и золото кованая дверь. Пройдя анфиладами молчащих покоев меж рядов ниш с вдетыми в них папирусовыми свитками, овитыми в серебряные нити, мимо стражей, стоявших, опираясь на рукояти мечей, крылатый стал. Голубое сукно перегораживало путь.

– Кажется, ясно, звездным по тьме: «Калоши и крылья просят оставлять в преддверьи».

– Да, но...

– Кто?

– Бывший ангел-хранитель.

– Документ?

– Вот.

– Просрочен на два тысячелетия.

– Но ведь мы говорим в сказке.

– То-то же. По какому делу?

Качнув воскрыльями, пришелец отвечал:

– Там в мирах я был ангелом-хранителем души. Ее не стало. И вот прихожу сдать свой пост.

– Архивариуса, – позвал голос из-за голубого сукна.

Прошелестели шаги: хранитель свитков в черных одеждах с внимательно-печальным лицом предстал пред ними.

– Созвездие? – спросил он.

– Квадрат Пегаса.

– Мир?

– Семиорбитье Солнца.

– Имя планеты?

– Земля.

– Место?

– Здесевск.

Архивариус опустил руку в нишу и вынул старый, в звездной пыли пергаментный свиток. И, шурша, свиток раскрыл свои знаки.

Хранитель поднял тонкие персты: свидетельствую смерть души, мне врученной.

Из-за голубого протянулась черная, в форме неравноугольного квадрата печать и ударила о пергамент. Четырехзвездие квадрата оттиснулось черными знаками на свитке.

– Запечатлен, – промолвил архивариус.

– Запечатлен, – повторили стражи.

И стало тихо за в лазурь и золото кованой дверью: а у порога нового, с непросохшей зеленой кровлею домика, что на Мушьих Свяжках, стучали колеса телег: это Иван Иванович, с семьей, на четырех площадках переезжал в свой собственный дом.

1921 г.

Вариант 2. Поэтический текст.

Прочитайте стихотворение Бориса Поплавского (1903-1935) – одного из самых видных и известных представителей русского зарубежья, прозаика и поэта. Выполните целостный анализ стихотворения с опорой на смыслообразующие аспекты. При анализе обратите внимание на следующие художественные особенности стихотворения:

- понятие «дух музыки», вынесенное в заглавие – его реальное образное наполнение и философско-литературные параллели;
- концепция музыки как вневременного искусства и пространственно-временная организация модели мира в стихотворении;
- музыка и антитеза Жизнь – Смерть, реализация витальности (жизненности) музыки в стихотворении;
- образность, создающая визуальный и аудиальный (акустический) эффект; связь визуальных образов, цветовой палитры, акустических образов с эмоциями и впечатлениями, которые транслирует лирический герой;
- ритмико-синтаксический строй стихотворения как способ передачи музыкальности;
- стихотворение Бориса Поплавского в контексте модернистских и авангардистских литературных направлений рубежа веков, аллюзивный слой стихотворения.

Примечания:

Авгур - (от лат. augur птица) – в Древнем Риме жрец, толковавший волю богов по крику и полету птиц, по падению молнии и другим небесным явлениям, прорицатель.

Энигматический – (от греч. aínigma загадка) – загадочный, таинственный.

Внимание! Сохранена пунктуация стихотворения, характерная для обнародованных публикаций данного произведения Бориса Поплавского.

Борис Поплавский

Дух музыки

Над балом музыки сияли облака,
Горела зелень яркая у входа,
Там жизнь была, а в десяти шагах
Синела ночь и плыли в вечность годы.
Мы танцевали нашу жизнь под шум
Огромных труб, где рокотало время,
Смеялся пьяный видя столько лун
Уснувших в розах и объятых тленьем.
На зовы труб, над пропастью авгурной,
С крылами ярких флагов на плечах,
Прошли танцоры поступью бравурной,
Как блеск ракет блуждающих в ночах.
Они смеялись, плакали, грустили.
Бросали розы к отраженьям звезд,
Таинственные книги возносили,
Вдали смолкали перейдя за мост.
Все исчезало, гасло, обрывалось,

А музыка кричала «Хор вперед»,
Ломала руки в переулке жалость
И музыку убить звала народ.
Но ангелы играли безмятежно.
Их слушали: трава, цветы и дети,
Кружась, танцоры целовались нежно
И просыпались на другой планете.
Казалось им они цвели в аду,
А далеко внизу был воздух синий.
Дух музыки мечтал в ночном саду
С энигматической улыбкой соловьиной.
Там бал погас. Там был рассвет, покой
Лишь тонкою железною рукой
Наигрывала смерть за упокой
Вставало тихо солнце за рекой.

1930 г.

ЗАДАНИЕ II. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (40 баллов)

Вы выполняете тестовое задание, чтобы устроиться на должность литературного редактора в популярное современное издательство. В рамках задания вам нужно показать умение работать с дополнительными элементами содержания и визуальной организации текста, которые позволят удержать читательский интерес. Задание необходимо выполнить на материале прозаического текста из задания №1 (рассказ С. Кржижановского «Квадрат Пегаса»):

1. Исходному тексту нужно дать **ПОДЗАГОЛОВОК**, который привлечет и заинтересует читателей. Даже если заглавие кажется вам самодостаточным, вы должны дать яркий подзаголовок, который сформирует ожидания и вызовет интерес. Он может отражать основную мысль текста; результат, которого достигнет читатель, прочитав текст; может намекать на сюжетную интригу.

Примеры подзаголовков из художественной литературы

«Двенадцатая ночь, или как пожелаете» («Двенадцатая ночь, или как пожелаете»)
(У.Шекспир)

«Безумный день, или Женитьба Фигаро» (П.Бомарше)

«Франкенштейн, или Современный Прометей» (М.Шелли)

«Доктор Фишер из Женевы, или Ужин с бомбой» (Г.Грин)

«Ну как он тебе, или Как не выйти замуж» (М.Хейфец)

Примеры подзаголовков из нехудожественной литературы

«Пиши, сокращай. Как создавать сильный текст»

«Руководство астронавта по жизни на Земле. Чему научили меня 4000 часов на орбите»

2. В тексте нужно оформить **ВРЕЗКИ**. Врезки – это небольшие блоки на полях, выделенные особым шрифтом, часто заключенные в рамку. Во врезки вынесены самые интересные выдержки из текста, представляющие собой 1-2 предложения. Врезки часто встречаются в электронных и печатных средствах массовой информации, в нехудожественной прозе. Задача врезок – визуально переключить внимание читателя, задать динамику процессу чтения, поддержать интерес читателя к тексту. Врезки могут быть дословно взяты из текста, либо редактор может частично перефразировать текст, но

обязательно сохранить его смысл. На каждую полную страницу текста нужно сделать 2-3 врезки, на половину страницы достаточно одной.

3. Оформление **ПРОБЛЕМАТОРА**. Проблематор располагается на «Четвертой сторонке». Так в редакционном деле называется задняя сторона обложки книги. Там может содержаться дополнительная аннотация, информация об авторе, отзыв на книгу. Проблематор — специальный список, который ставят на заднюю сторону обложки и который содержит самые интересные, захватывающие, полезные идеи книги. Проблематор обычно начинается со слов: «Из этой книги вы узнаете:...». Выберите 5-7 самых полезных идей или выводов из рассказа и оформите проблематор.

Ваше тестовое техническое задание готово.